

Из книги: *Фейнберг Евгений Львович*

Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания

Александр Львович рассказывает...

Александр Львович рассказывает...

Необходимо вспомнить об удивительном человеке, Александре Львовиче Минце. Это был выдающийся ученый и инженер, гроссмейстер радиотехники, который, казалось, все мог. Самые трудные работы ему удавались. Однажды я был свидетелем того, как он сошелся с не менее замечательным, сверхталантливым, но совсем другим по типу человеком, физиком, тоже академиком Г. И. Будкером. Они высоко ценили друг друга, и отношения между ними были очень хорошими. Но здесь они начали весело пикироваться. «Вот, — сказал Минц, обращаясь ко мне с улыбкой и указывая на Будкера, — автор многих блестящих идей, которые, однако, невозможно реализовать». «Конечно, — так же улыбаясь, парировал Будкер, — Вы беретесь только за то, что, как Вы хорошо знаете, возможно сделать».

Действительно, реализация некоторых замечательных идей Будкера требовала длительной научной разработки, наталкиваясь на обычные у нас организационные и материальные трудности. При всей его изобретательности и неожиданных блестящих идеях также и в организационных вопросах доводить их до реализации удавалось нередко лишь его ученикам уже после его трагически преждевременной смерти. Иногда это достигалось в полной мере лишь за рубежом. И все же его работы получили всемирное признание. А Минц и в самом деле обладал удивительным даром понимания того, что возможно и что невозможно. Особенность этого дара, однако, заключалась в том, что возможное для него часто бывало на грани возможности или даже оказывалось совершенно невозможным для других, — как в науке и технике, так и в личном поведении, когда он оказывался в острых, нередко смертельно опасных ситуациях. Это станет ясно из приводимых ниже его рассказов.

Будучи на семнадцать лет моложе Александра Львовича, я узнал его — и то это было «шапочное» знакомство — лишь когда ему было далеко за 50. Он легко носил свое большое (отнюдь не толстое) широкоплечее тело. Вплоть до последних лет жизни

обычно ходил быстро (если, конечно, это не была ленивая прогулка). От него исходила какая-то уверенность. Серьезность лица с его правильными чертами легко сменялась привлекательной улыбкой (совсем не такой неестественно сладостной и расплывчатой, быть может, прикрывающей смущение, как на одной парадной фотографии в собрании его избранных трудов, где он изображен с полным набором его многочисленных орденов и медалей. Здесь он, видимо, позировал и был неестествен). Никаких характерных именно для него словечек он не употреблял, говорил довольно ровным голосом, не громко и не тихо. Но было в нем, видимо, какое-то обаяние, если с давних пор, приходя домой, я радостно говорил жене: «Сегодня я видел Минца». Впоследствии, когда мы сблизились, Александр Львович сказал, что хотел бы познакомиться с Сахаровым, и знакомство состоялось (хотя и не стало близким).

Наше сближение — моей жены, Валентины Джозефовны Конен, и мое — с Александром Львовичем и его женой, Евгенией Ильиничной, произошло внезапно за 3 года до его смерти. Оно сразу превратилось в тесную дружбу. Что он был за человек, каким мы его узнали? Сам я не буду писать об этом, а приведу в качестве приложения к этому очерку то, что в свое время написала в своих воспоминаниях В. Д. Конен.

Но пора, наконец, приступить к тому, что было обещано в заголовке — к рассказам Александра Львовича. Эти прекрасные, спокойные, освещенные некоторой иронией рассказы врезались мне в память.

Одним из первых моих вопросов к нему было: «Верно ли, что существовал «цикл Минца»? Ведь распространено мнение, что Вас трижды арестовывали, каждый раз Вы в заключении делали прекрасную работу в области радио, Вас освобождали, награждая орденом. Потом опять сажали, и все снова повторялось».

Он тихо рассмеялся (вообще Александр Львович, по-моему, никогда не хохотал по-настоящему и часто улыбался немного лукавой улыбкой): «Нет, не совсем так. В первый раз меня арестовали в период гражданской войны в Ростове, где я жил у родителей и кончил университет. Красные наступали, белые убегали. Уехали и мои родители (его отец, инженер, владел небольшой фабрикой по производству лабораторных приборов. —Е. Ф.). Я не поехал. Почему? Белые, уходя, повесили вдоль

главной улицы на каждом фонарном столбе по пленному красноармейцу. Это произвело на меня очень плохое впечатление.

Я решил, что мне с белыми не по пути и остался жить в нашем особняке. Когда пришли красные, нужно было как-то устраиваться на работу. Я подал заявление о зачислении преподавателем на курсы военных радиотехников. Но прежде чем я получил ответ, в наш дом поселили на постой красного командира. Он обошел все комнаты, зашел в мою и сказал: «Я буду жить здесь». Я ответил, что это невозможно, что здесь живу я. Он разбушевался, и меня посадили.

Наутро повели к следователю. Тот сказал, что я обвиняюсь в шпионаже, в том, что остался в Ростове, чтобы шпионить для белых. Я ему ответил: «Неужели Вы думаете, что, собираясь шпионить, я остался бы жить в своем доме, подал заявление о службе на курсах, фактически о зачислении в армию и поспорил бы с красным командиром высокого ранга?» Следователь подумал и сказал: «Да, Вы правы. Ладно, Вы свободны». Тогда еще могли быть такие следователи. Вот это был мой первый арест».

Таков был, добавим, первый случай, когда уверенность в себе, ум и самообладание помогли Александру Львовичу, сохраняя собственное достоинство, спасти свою жизнь.

«Второй раз меня арестовали в 1931 г., когда я уже сделал кое-что значительное. Просидел я не очень долго. Меня освободили, кажется, по заступничеству Орджоникидзе.

Ну, а третий арест — это было незадолго до войны — был гораздо серьезнее. Я сидел и долго ждал допроса. Наконец, наступил день, когда меня повели к следователю. Вели по широкому коридору, вдоль него — двери, из-за дверей доносятся крики истязаемых. Наконец вводят в одну из комнат и меня. За столом, спиной к окну, сидит следователь. Я подошел, схватил со стола тяжелую чернильницу и сказал: «Если Вы до меня дотронетесь, я буду бить Вас этим до тех пор, пока либо Вы меня не убьете, либо я Вас не убью». И вдруг происходит чудо. Следователь говорит: «Что Вы, Александр Львович, я Вас вызвал совсем не за этим, совсем не для этого. Вас хочет видеть товарищ нарком». Очевидно, он знал уже зачем...

И ведут меня, ведут по лестницам, по коридорам. Наконец, заходим в большую комнату, и меня подводят к Берии. Рядом стоит какой-то наркомвнудельский полковник. Берия говорит: «Вот есть такое задание». Называет его и протягивает мне бумагу: «Это нужно сделать за три месяца. Сделаете — тогда на свободу». Я посмотрел описание задания, подумал и сказал: «Что ж, я могу это сделать, только не за три месяца, а за шесть». После этих слов полковник взорвался, подскочил ко мне сбоку, трясет кулаками у самого моего лица и кричит: «Да как Вы смеете! Товарищ нарком оказывает Вам такое доверие и честь, а Вы еще говорите, что Вам нужно вдвое больше времени!» Я повернулся к нему и говорю: «Вы что думаете, — мне у Вас так нравится, что я хочу остаться подольше?» Берия рассмеялся и сказал: «Хорошо, пусть будет по-вашему».

— Ну, и что же, сделали? — спрашиваю я.

— Да, конечно. Нашу группу, которая этим занималась, держали в особых условиях, привозили прекрасные обеды.

— А что было за задание?

— Да так, одна интересная работа.

И через тридцать с лишним лет Александр Львович строго соблюдал требования секретности, поскольку в свое время подписал соответствующее обязательство.

— Ну, а что было после этого?

— Работа разрослась, мне пришлось на несколько лет остаться в кадрах НКВД.

(В этот момент вмешивается Евгения Ильинична: «До сих пор не могу забыть, какой ужас меня охватывал, когда, заходя в прихожую нашей квартиры, я видела на столике под зеркалом его полковничью фуражку с голубым околышем».)

— Но как Вы вообще пришли к радиотехнике, ведь Вы же кончали университет как физик?

Следует рассказ: «Да, и всегда мечтал заниматься физикой. В Москве, студентом, даже начинал работать над физической темой. Жизнь повернула иначе. Тогда, в

Ростове, когда меня освободил следователь, формировались части Конармии Буденного, и мне предложили возглавить радиодивизион. Дали 20 походных радиостанций, 200 подвод с лошадьми, соответствующее число конармейцев и приказали организовать все самому. Организовал. После этого мне уже никакая организационная работа не была страшна. Когда впоследствии создавал большие исследовательские, конструкторские и строительные коллективы, институты — все было уже не страшно.

Какие нравы были в Конармии, Вы сами отчасти знаете по Бабелю. Трудности были самые разные. В первый же день мне сказали: нужно научиться хорошо ездить верхом. Неумеющих красноармейцы стаскивали с коня, приговаривая: «Пошто животную мучаешь?» Ничего, за две недели выучился. Хорошо ли? Во всяком случае, ни разу подобному позору не подвергался. С Конармией проделал весь поход через Украину на Польшу. Здесь, конечно, было немало всякого.

Кстати, вот что было, когда мы вошли в Елизаветград. Приводят меня на постой в одну квартиру. Темно, освещают комнату свечой. Я спрашиваю сопровождающего: «Почему нет света?» Он говорит: «Да вот хозяин этой самой квартиры — начальник электростанции, беляк, саботажник, испортил машину. Ничего, он у нас сидит, утром мы его хлопнем». Я требую, чтобы меня проводили к нему. Спрашиваю: «Почему электростанция не работает?» Отвечает: «Топлива нет». — «А оборудование в порядке?» — «Посмотрите сами». Идем на электростанцию, осматриваю. Да, все в порядке. Приказываю привезти бочку топлива. Привозят, включают — свет есть. Этим инженером был отец Игоря Евгеньевича Тамма».

— А Вы потом рассказали об этом Игорю Евгеньевичу?

— Я с ним не скоро познакомился, а рассказал недавно, незадолго до его смерти.

Как же они не были знакомы? Ведь были одногодками, одновременно, перед революцией учились на одном и том же физико-математическом факультете Московского университета. Объясняется это различием стиля их жизни.

Пропитанный еще с гимназии социал-демократическими идеями Тамм в 1915 г. отправился добровольцем на фронт в качестве санитаря (или «брата милосердия?»), после февральской революции погрузился в революционную деятельность, выступал на митингах против войны, был депутатом в Совете, делегатом первого съезда

Советов, кончил университет в 1918 г. А Минц увлекался наукой и ... опереттой, даже подумывал о том, чтобы стать актером. Окончил университет, как уже говорилось, в Ростове в 1920 г.

Но вернемся к Коармии (рассказ продолжается):

— Были здесь и очень опасные ситуации. Один раз меня с небольшой группой забыли наши отступавшие части. Окружили поляки, и было бы нам совсем плохо, если бы не прискакал на выручку сам Буденный со штабной командой. Отбили.

— Ну, а потом почему Вы не перешли на физику?

— Я ведь был уже кадровый командир. После окончания военных действий меня откомандировали в Москву, в военную радиолaborаторию, подчиненную наркому обороны. Здесь погрузился в интересную радиотехническую работу. Отсюда все и пошло.

Но Александр Львович не был бы почти легендарным Минцем, если бы и здесь не проявлял свой характер.

— Однажды я получил трудное и срочное задание наркома и принялся за него, не обращая внимания ни на что. В лаборатории для всех командиров были организованы обязательные политзанятия. Вывешивались длинные списки всяческих произведений «классиков марксизма» и новых вождей, которые следовало изучать. Я всем этим полностью пренебрег. В конце концов начальство рассердилось, нажаловалось наркому, и тот вызвал меня. Очевидно, предстояло нечто малоприятное.

Когда я вошел в кабинет Фрунзе, тот грозно потребовал объяснений. Я ответил: «Я был слишком занят выполнением Вашего задания, товарищ нарком». — «И, конечно, не выполнили его», — угрожающе сказал Фрунзе. — «Нет, почему же, выполнил». Тут я отворил дверь, и по моему знаку несколько красноармейцев внесли и поставили перед Фрунзе аппаратуру. Проведенное здесь же испытание завершилось полным успехом. Подготовленный театральный эффект вполне удался. Фрунзе был очень доволен, и никаких взысканий, разумеется, не последовало.

— Я сообразил: ведь это было в начале или в середине 20-х годов, а я как-то читал в «Новом мире» воспоминания известного радиста-полярника Э. Кренкеля, где, в частности, рассказывалось, как в то время он проходил военную службу.

Красноармейцев-радиостов, по его словам, доводила до мучения установка АЛМ для походных радиостанций. Я поинтересовался: «Не Ваше ли дело эта АЛМ?»

Александр Львович улыбается: «Да, и такими вещами приходилось заниматься. Армия была еще бедная, для обеспечения радиоаппаратуры электропитанием в любых условиях я ввел простенькое устройство: обычный велосипед со снятыми колесами устанавливали неподвижно, на седло садился красноармеец и крутил педали. Передача приводила в действие «движок», дававший ток для радиостанции. Красноармейцы проклинали эту тупую работу. Ведь иногда приходилось вертеть педали часами».

— Как же отсюда произошел переход к мощным радиостанциям?

Я понял, что мне не хватает инженерного образования, и за 2 года окончил курс в соответствующем техническом институте. Нужно было строить большие радиостанции для широко вещания. Я за 15 лет построил их несколько. Каждая, когда входила в строй, была для своего времени самой мощной в мире. Сначала это была известная тогда всем радиостанция имени Коминтерна с длиной волны 1450 м. Потом последовала не менее запомнившаяся радиостанция имени ВЦСПС на 1080 м. (Как же мне их не помнить! И эти первые слова каждой передачи: «Говорит Москва. Работает радиостанция имени Коминтерна на волне 1450 м», и то же для другой станции. Они работали много лет, до эпохи телевизоров и играли в жизни такую же роль, как теперь телевещание. —Е. Ф.) Да, кстати, с этой станцией связан любопытный эпизод.

Вы же понимаете, что конструирование таких станций требовало каждый раз новых идей. Их не всегда легко принимали. Когда я предложил схему будущей радиостанции им. ВЦСПС, все ведущие авторитеты — даже Михаил Васильевич Шулейкин и другие — единогласно заявили, что такая схема работать не будет. Но я все-таки начал ее строить. Вот уже вся радиотехническая часть готова, все ее элементы проверены, испытаны, — все надежно (все делалось в очень сжатые сроки, но мы поспевали к обещанной дате). Начинаем испытание всей собранной вместе схемы. Включаем напряжение, и вдруг главный кенотрон вылетает. Заменяем

другим, — включаем, опять вылетает. Третий — то же самое. Представляете ситуацию? Уже четверг (или пятница — не помню. — *Е. Ф.*), в понедельник приедет принимать работу комиссия из этих самых авторитетов!

Подумали и поняли: очевидно, в сложной схеме после ее полной сборки из отдельных частей образовался непредусмотренный колебательный контур, который в точке расположения кенотрона давал пучность сильного переменного напряжения. Стали искать, из чего же складывается этот контур. Искали, искали и наконец нашли. Устранили это паразитное колебание. Поставили новый кенотрон — выдерживает! Хорошо, что это была еще только суббота, до приезда комиссии, к счастью, выходной день. Сидим и смотрим на кенотрон: час смотрим — работает, два — работает, сутки — работает. Выключаем, включаем снова — работает! Отлегло от сердца. Приехала комиссия. Мы, как ни в чем не бывало, включаем схему, и все вынуждены признать: схема работает.

— Помню, — сказал я мечтательно-ностальгически, — я был школьником в 20-х годах. Собрал маленький детекторный приемник, сидел вечером, тыкал острием пружинящей проволоочки в кристаллик и вдруг — услышал в наушниках «Травиату» из Большого театра. Какое это было чудо!

— Да, — подхватил своим ровным голосом Александр Львович, — нелегко было организовать эти передачи. Особые заботы были с размещением микрофонов, ведь опыта не было. Искали, куда их поместить. Я даже спускался с потолка в огромную люстру зала Большого театра, пробовал разместить микрофоны и там.

* * *

Вообще иногда казалось, что не было в жизни нашей радиотехники эпизодов, с которыми не был бы связан Минц. Однажды мы вместе отдыхали в санатории под Москвой. Ко мне приехал мой друг и рассказал в частности, что вышел сборник воспоминаний наших военных, участвовавших в качестве советников Сунь Ят-Сена и Чан Кай-Ши в китайской революции в 20-е годы. Об этом в печати так откровенно рассказывалось впервые. Возбужденный, я пришел к обеду, сообщил об этом Александру Львовичу и, смеясь, спросил его: «А Вас там не было?» «Нет, там я не был, — ответил он. — Но моей группе было дано задание срочно установить из Москвы радиосвязь с Уханью. Тогда это было непростое дело. Мы семь дней не

выходили из лаборатории, решили: не бриться, пока не добьемся успеха. Ничего, связь установили».

Но в одном разговоре я возвращаюсь к теме мощных широковещательных станций: «А что было после радиостанции им. ВЦСПС?»

— Самое значительное было, конечно, сооружение самой мощной в то время в мире (1200 кВт) радиостанции на средних волнах в Куйбышеве, куда во время войны эвакуировалось из Москвы правительство. Когда началась война, мне было поручено в кратчайший срок построить ее. Для строительства мне был придан лагерь с 10 тысячами заключенных. Были там и хорошие специалисты. Строили в суровые морозы зимой 1941–1942 гг. Главным успехом я считаю то, что в лагере не было эпидемии тифа. Построили бани, и заключенные два раза в день (да, кажется, именно так. — *Е. Ф.*) «проходили через них», а одежда пропаривалась. Но приходилось преодолевать и технические трудности.

Вот, например, сооружение железобетонных опорных колонн главного зала при страшных морозах, когда жидкий цементный раствор, не успев «схватиться», сразу замерзал. Я придумал прогревать колонны, пропуская сильный электрический ток через железную арматуру, а не сооружать громадные «тепляки» для поддержания нужной температуры вокруг колонны, как было принято тогда делать (насколько мне известно, в 50-е годы такое прогревание электрическим током распространилось в практике строительства очень широко. — *Е. Ф.*). Так удалось сильно сократить сроки, сберечь время. Но это привело к неприятному инциденту.

Когда строительство было закончено, приехала правительственная приемочная комиссия во главе с известным строителем, профессором (тогда еще и генералом) Всеволодом Михайловичем Келдышем (отцом будущего Президента Академии наук). Он оказался ужасным формалистом. Колонны, говорит, сооружены с нарушением СНИП (СНИП — это «Строительные нормы и правила» — библия строителей). Я говорю: «Но прочность колонн проверена, все в порядке». «Нет, — говорит, — СНИП нарушены». Притащили противотанковое ружье (или пушку, не помню точно. — *Е. Ф.*). Стреляем по колонне, в пустом зале стоит грохот, но колонны выдерживают прекрасно. «Нет, — говорит Келдыш, — все равно — СНИП нарушены». Из-за этого комиссия приняла строительство с оценкой «хорошо», а не «отлично». Было очень неприятно. Ведь если бы приняли на «отлично», то можно было бы освободить

гораздо больше заключенных, чем это удалось сделать при оценке «хорошо». Ужасный формалист.

Александр Львович очень сердится даже теперь, через 30 лет. Вероятно, здесь пострадало и его привычное чувство хозяина положения. Но он не может скрыть удовлетворения тем, что станция была быстро сооружена и поддерживала связь с миром в течение всей войны.

После войны А. Л. Минц создал мощный Радиотехнический институт, числившийся в Академии наук СССР, но фактически опекаемый и управляемый каким-то министерством — то ли электронной, то ли радиопромышленности. При этом он включил в свою тематику новую область — технику ускорителей частиц до высоких энергий, необходимых для научных исследований в физике ядерных частиц. Минц увлекся ею и очень здесь преуспел.

Эта новая область связала его с физиками-ядерщиками. Сооружением ускорителей ведал тот же всемогущий комитет, который возглавлял все работы по ядерному оружию (хотя фактически ускорители имели к этой проблеме весьма отдаленное отношение). В этом комитете Александру Львовичу было суждено вновь иметь дело с его председателем — Берия. Минц, в частности, вошел в комиссию, которая должна была выбрать вблизи Москвы место для сооружения новейшего гигантского ускорителя. «Мы объезжали окрестности Москвы, изучали геологические условия и множество других существенных факторов. В конце концов остановились на двух возможных пунктах: район Крюкова — в 40 км от Москвы и район теперешней Дубны — в 130 км. На заседании комитета Берия высказался за удаленный район. “Из Крюкова, — сказал Берия, — научные работники будут все время ездить в Москву, а не работать”. Я настойчиво возражал ему, подчеркивая в частности, что там нет ни железной дороги (и это затруднит строительство), ни достаточного обеспечения электроэнергией. “Ничего, — сказал Берия, — и дорогу построим, и электростанцию”. Решили, конечно, так, как хотел Берия».

После сооружения всем теперь известного синхрофазотрона его долго не могли запустить. В его устройстве огромную роль играет сложная, специфическая и мощная радиотехника. Вот здесь-то и сказалось искусство Александра Львовича. Он не только участвовал в проектировании, но вмешался и в затянувшийся процесс запуска ускорителя. Навел «инженерный порядок», и после этого ускоритель заработал.

Ускорительная тематика прочно вошла в жизнь Радиотехнического института. Но и прежнюю тематику Александр Львович не оставлял.

Как-то в начале 70-х годов он сказал мне: «Очень рад, что наконец закончил работу большого масштаба. Она отняла 14 (если не ошибаюсь. — *Е. Ф.*) лет». Я понял, что спрашивать, в чем состояла эта работа, не следует, все равно не скажет.

Но довольно о науке и технике. Поговорим о том, как он вел себя в жизни, хотя об этом можно судить и по уже рассказанному.

Когда после знаменитого доклада Хрущева на XX съезде Партии началась реабилитация ранее осуждавшихся, он проявил себя характерным образом. «Приходит ко мне однажды, — рассказывает А. Л., — начальник Первого отдела моего института (поясню, — это отдел, занимающийся вопросами секретности. — *Е. Ф.*) и говорит: “Александр Львович, надо оформить для Вас реабилитацию по всем делам, по которым Вас осуждали. Нужно, чтобы Вы написали об этом заявление”. “Я? — говорю ему. — Нет, я писать не буду. Вы меня сажали, Вы и реабилитируйте”. Тот продолжает упрашивать: “Это же, — говорит, — чистая формальность, ну что Вам стоит. Без такого заявления нельзя начать всю процедуру”. Я говорю: “Об этом не может быть и речи, справляйтесь как сумеете”. Ничего, справились. Потом меня ознакомили с моими следственными делами».

На лице А. Л. появляется саркастическая улыбка: «Представьте себе, для подтверждения обвинения во вредительстве они вызвали в качестве научных экспертов двух известных ученых, и те дали заключение, направленное *против* меня».

А. Л. не называет имена этих специалистов, но по его прозрачным намекам я догадываюсь, что один из них — видный и серьезный ученый, занимавший высокие посты в руководстве исследовательскими работами военно-промышленного комплекса, человек очень способный, даже талантливый, но желчный и завистливый. А. Л. в течение десятков лет, до конца своих дней контактировал с ним по основной работе. Что каждый из них при этом переживал? Красочный эпизод из удивительной и страшной жизни нашего общества.

Я уже говорил, что А. Л. привык чувствовать себя независимым «хозяином». Он поступал так, как он считал нужным для выполняемой им работы. И неизменный успех этой важной для государства работы обеспечивал ему терпимость начальства, хотя она и держалась на пределе возможного. Проявлялось это, например, в отношении партийно- и государственно направляемого и стимулируемого антисемитизма послевоенного (и даже военного) времени. Сам А. Л. глубоко врос в русскую и вообще европейскую культуру. Никогда я не слышал от него проявлений не только еврейского национализма, но даже какого-либо ощущения еврейской обособленности. *Ни разу* я не слышал от него каких-либо типично еврейских словечек, выражений, шуточек, анекдотов. Он был подлинным российским европейцем.

При его чувстве ответственности за выполняемую им работу, при независимости его характера, при высоких нравственных качествах было естественно, что он совершенно не считался с национальностью сотрудников, которых он подбирал себе в институт. В результате к нему попадали многие способные, талантливые евреи, которым отказывали в институтах, управляемых более законопослушными (или лучше сказать партийно-государственно послушными) директорами. Среди этих директоров были и сознательно преданные такой политике. Подобное поведение А. Л., разумеется, вызывало раздражение партийных и государственных чиновников, но они до поры до времени сдерживали себя и терпели своенравного Минца.

Посмеиваясь, А. Л. рассказывал: «Подходит ко мне однажды начальник управления кадров нашего министерства и говорит: «Александр Львович, я знаю, в Вашем институте не-евреям ходу нет. Но вот мой сын — способный юноша; попробуйте, возьмите его на работу». Я взял, действительно, оказался очень способный молодой человек, я им доволен». Конечно, слова министерского сановника были диким преувеличением, но они показывают, как за всем этим следило начальство, возмущенное и поэтому так чудовищно преувеличивавшее действительные факты.

Но оно все запоминало и только терпело. Это проявилось, когда жизнь Александра Львовича близилась к концу. В 1970 г. ему исполнилось 75 лет. Власть получила много замечательных результатов его выдающейся деятельности в науке и технике, он вырастил в процессе этой деятельности множество ценных научных и научно-технических работников — новые «кадры», как у нас привыкли говорить. Создал мощный институт, и можно было уже отказаться от терпимости по отношению к

этому человеку, чья независимая позиция так плохо вписывалась в тогдашнюю нашу систему.

В институте радостно, весело и с любовью был отпразднован юбилей. На юбилее после приветственных речей он сам выступил с кратким «добавлением», закончив его словами: «Вот несколько дополнительных штрихов из жизни академика, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии, трижды арестованного, дважды реабилитированного Александра Львовича Минца».

В наше послеперестроечное время трудно оценить, как эти слова, сказанные в лицо сидевшему перед ним первому секретарю райкома партии, звучали независимо и вызывающе. Ничего, казалось, стерпели. Но когда вскоре А. Л. в очередной раз поспорил с начальством по какому-то вопросу и в знак протеста против его решения подал в отставку, эту отставку, к его удивлению, сразу приняли. Его сочли невыносимым и уже ненужным.

«Понимаете, — говорил мне Минц, — когда директор института приходит в министерство, то он должен сначала зайти к начальнику финансового управления, планового, управления кадров, а потом уже идти к министру. Так было принято. А я со всеми делами шел прямо к министру. Это, конечно, многим не нравилось». (Угождать «дворнику, для избежания зла, собаке дворника, чтоб ласкова была», — он не был способен. Молчаливым он не был.) И директором вместо него назначили не того, кого он рекомендовал в первую очередь.

И вот легендарный Александр Львович вдруг остался не у дел, «просто академиком».

Его пригласил к себе тогдашний Президент Академии М. В. Келдыш и, оказывая полное уважение, заботливо спросил, какую деятельность он хотел бы для себя выбрать. «Я сказал, что хочу сократить область своей работы и сконцентрироваться на физике и технике ускорителей».

Он давно уже был в этой области авторитетом. Организовал и возглавил международную конференцию по ускорителям, в институте разработал и построил модель принципиально нового, «стохастического» ускорителя и т. п.

— Я сказал Келдышу, что хотел бы организовать научный совет по ускорителям, но не совсем такой, каковы в Академии многочисленные советы по разным другим

выделенным проблемам. Они лишь координируют работу институтов в своей области, созывают конференции и т. п. Они обычно состоят из людей, занятых научной работой в своих институтах и имеют лишь одного штатного сотрудника — секретаря Совета. Я же хотел бы иметь, кроме того, помещение и четырех научных сотрудников высокой квалификации, с которыми я вел бы теоретическую исследовательскую работу. Келдыш сразу обещал, что все это будет обеспечено. И действительно, через некоторое время я получил две комнаты в здании на улице Вавилова и секретаря, а для себя — должность председателя. Но на этом все и застопорилось и притом характерным образом.

Дело в том, что выбранные Александром Львовичем четыре научных сотрудника оказались евреями! Как он мог совершить такую ошибку? Ведь в то время любой чиновник — от титулярного до тайного советника (от работника сектора кадров до члена Политбюро) воспринимал подобный выбор как попытку создать «осиное гнездо сионизма». И все это понимали, никто кроме А. Л. не совершил бы такого безумного поступка, обреченного на неудачу. Ну, хотя бы половина была не-евреями. Как же трезвый, умнейший Александр Львович этого не понимал? Вероятно, он просто не замечал, какой получился отбор. Он был настолько чужд национальным предрассудкам, что пренебрегал ими, интересуясь лишь самим делом и тем, как тот или иной человек это дело выполняет. А если и замечал, то считал, что он-то имеет право выбирать кого хочет. Ведь он всей своей жизнью доказал, что выбирает сотрудников в интересах дела и таким путем неизменно достигает успеха, нужного науке и государству. Но он не понял того, что теперь он уже не тот Минц, своеволие которого начальство так долго терпело.

Начало 70-х годов вообще было временем ползучего восстановления сталинских нравов. «Оттепель» давно кончилась, начались попытки реабилитации сталинизма. Выбранных им научных сотрудников, конечно, не зачислили на работу. Разумеется, прямо подлинную причину не называли. Тянули, выдумывали разнообразные предлоги. Но каждому было ясно, в чем дело. А. Л. настойчиво пытался добиться своего. Получал какие-то лживые обещания, но было очевидно, что ничего не получится, хотя в решение вопроса были вовлечены высшие руководители Академии. Для А. Л. это был тяжелый удар по самолюбию.

Он неизменно ежедневно работал в своем Научном совете, но жаловался, что нет прежней работоспособности. Здоровье, как говорят, «шалило», иногда довольно

сильно. Затем последовали подряд два страшных удара в личной жизни: скончалась Евгения Ильинична, с которой было прожито много десятилетий, а через восемь дней в авиационной катастрофе погиб единственный сын, ученый, географ, широко известный специалистам во всем мире.

Именно в эти тяжелые дни мы сблизились, но в его повседневном поведении проявились поразительная стойкость и самообладание. Он бывал даже весел, всегда интересен и обаятелен в общении. Именно на эти годы приходятся те его рассказы, которые приведены выше.

Он начал готовить к изданию свои «Избранные труды». Тщательно отбирал для них свои работы, придирчиво пересматривал тексты. Делал все это с обычной для него обстоятельностью. Как-то он сказал мне: «Да, но все это все же не наука, а техника». Я был поражен. «Как, — говорил я ему, — ведь это же просто прикладная физика плюс великолепная инженерия. Неужели Вы цените все сделанное Вами меньше, чем чисто научную работу? Инженерное преломление глубокой науки Вы считаете деятельностью второго сорта? Не могу с Вами согласиться». — «Нет, это не то, о чем я мечтал в молодости». Я действительно придерживаюсь другой оценки, но он произносил свои слова с печальной уверенностью в своей правоте.

Он вообще, видимо, переосмысливал прожитую жизнь. Вспоминал даже второстепенное. Однажды он сказал мне: «Не могу простить себе слабость, которую проявил, когда меня не избрали в академики. Я тогда состоял как член-корреспондент в Отделении технических наук, и когда провалился на выборах в действительные члены, был очень этим расстроен. Вылечил меня Борис Львович Ванников (умный инженер, занимавший высокие посты, во время войны — министр боеприпасов, в описываемое время — заместитель Берии по атомно-ядерным делам. — *Е. Ф.*). Ехали мы с ним в его вагоне, и я пожаловался ему на несправедливость (а это действительно было несправедливостью. — *Е. Ф.*). Он мне ответил вопросом: «Скажите, Александр Львович, Вы очень уважаете всех тех академиков, которые Вас не выбрали?» — «Нет, конечно». — «Так что же Вы на них обижаетесь?» Очень стыжусь этой слабости. Потом все же выбрали».

Может быть, он потому и рассказывал о себе так много, что пересматривал свое прошлое. Как-то, когда он говорил об одной из пережитых им с честью смертельно опасных ситуаций, а я каким-то образом отреагировал на его рассказ, он спокойно,

ровным голосом, как о чем-то обычном, сказал запомнившуюся мне фразу: «Чувство страха мне не знакомо». Он имел право это произнести. Опасность не парализовывала его, не ввергала в панику, не лишала способности поступать умно и сохраняя свое достоинство. Примеров этого здесь было приведено достаточно.

* * *

Теперь, когда у нас вышел перевод книги американского «практического философа» Дэйла Карнеги «Как перестать волноваться и начать жить», все могут ознакомиться с приводимой им молитвой «на каждый день», сочиненной профессором «кафедры прикладного христианства» Нью-Йоркской католической семинарии (я уже говорил о ней в очерке о С. И. Вавилове «Девять рубцов на сердце»): «Боже, дай мне способность спокойно принимать то, что я не могу изменить; мужество, чтобы бороться с тем, что я могу изменить; мудрость, чтобы видеть различие между этими случаями».

Александр Львовичу, кажется, это было дано. Достоинство и спокойствие, с которым он принимал неизбежное, особенно проявились в последние годы его жизни. Мужества для борьбы у него хватало на протяжении всей его жизни. А различие между возможным и невозможным он обнаруживал, казалось, всегда. Вот только история с отбором научных сотрудников в Совет по ускорителям показывает, что и он мог ошибаться. Удивительная личность. Удивительная жизнь.